

Содержание

Предисловие	4
Парадигмы языкознания и современная лингвистика	8
Структурализм в славянском языкознании XX века	32
Мысль и образ. О визуализации в лингвистике	51
Двенадцать функций языка	61
Частота как фактор изменения языковых единиц в теории В. Маньчака	80
Анализ стихотворения Иннокентия Анненского «Среди миров»	105
Спорное в лингвокультурологии (теория концепта)	127
Концептуальные метафоры и прототипические эффекты	163
Полисемия и синтаксическая компрессия	195
Номинация и социальный контекст речи	213
Правда и значение слова	240
Язык новых русских: прагматика имен собственных	267
Социальные ценности в системе современной культуры	276
Стереотипы в структуре межкультурной коммуникации	301
Черты «новояза» в современных СМИ	322
Сложное предложение в свете динамического синтаксиса	337
Связочные предложения и дупликация подлежащего	376
Узуальная субстантивация прилагательного <i>круглый</i>	396
Список источников	413
Библиография	415
Предметный указатель	438

Предисловие

Целые столетия лингвисты («жрецы грамматической науки», по образному определению А. М. Пешковского) занимались языковой системой, стараясь понять, представляет ли она собой приложение к логике, или род эволюционного процесса, или психологический феномен — модуль системы репрезентации действительности («духа народа»), или особого рода систему знаков со специфическими номотетическими (по А. Богуславскому) свойствами, или особого рода психофизиологическую компетенцию — «в высшей степени специализированный и гибкий биологический комплекс» (по Л. Блумфилду). Так в разные исторические периоды возникали научные модели языка, основанные на принципе гипостазирования, т.е. абсолютизации какого-то одного аспекта языковой системы. Ельмслев, как известно, считал, что, построенная дедуктивно, общая теория языка не зависит от языковых фактов — важно, чтобы она соответствовала принципам формальной логики, была логически непротиворечивой. В течение столетий научные фантомы представляли канон лингвистического знания.

В первой половине XX века в европейском языкознании распространился новый стиль мышления — динамический, релятивистский. Ученые стали учитывать поведение объектов в среде, а применительно к языку — социальную и коммуникативную реализацию языковой системы. В работах таких лингвистических направлений, как немецкий неогумбольдтизм, лондонская функциональная школа, русская школа социологии языка, американская антропологическая лингвистика, французская и голландская лингвистика дискурса, объек-

том исследования стало речевое поведение — то, что реально наблюдается и может быть исследовано методами эмпирического анализа. В связи заслуживает внимания замечательное по своей точности и глубине высказывание М. Л. Котина: «То, что лингвисты называют экстралингвистическими факторами, при ближайшем рассмотрении нередко оборачивается феноменами, имеющими сугубо языковую природу, которые кажутся внеязыковыми исключительно в силу своей принадлежности к иному, менее эмпирически несомненному или менее „систематизированному“ уровню языка. При сравнении морфемного состава слова или синтаксической структуры фразы с текстом даже небольшого объема последний будет неизменно казаться чем-то „внешним“ по отношению к первым. Именно по этой причине, например, такая область науки, как лингвистика текста и дискурса, воспринималась первоначально, а некоторыми учеными воспринимается до сих пор с известным скептицизмом. Дискурс, по их мнению, — область, скорее достойная изучения литературоведа, социолога, историка или философа, чем лингвиста. В действительности, однако, текст, при определенном к нему подходе, никак не менее „лингвистичен“, чем слово или предложение» (2009, 54).

Собранные в этой книге статьи на первый взгляд тематически разрозненны: они касаются философии языка, семантики, поэтики, синтаксиса, лингвистики дискурса, прагмалингвистики и медиалингвистики, однако все тексты так или иначе связаны с общей концепцией динамического взаимодействия четырех факторов речевой деятельности: 1) разных аспектов языкового кода; 2) когнитивной компетенции языковых субъектов; 3) культурно релевантной системы социальных отношений и 4) материальной действительности.

Может быть, не стоит усложнять? Именно это я услышал когда-то от выдающегося языковеда В. В. Мартынова. Проще ведь нарисовать дракона, чем ветку цветущей вишни... Но тогда возникает проблема: как оценить его сходство с оригиналом?

Поскольку структура нашего сознания в значительной степени является отражением структуры окружающего мира, вполне естественно, что научной модели мира свойственна высокая степень сложности. Выдающийся русский биолог Л. С. Берг писал: «Простыми оказываются явления и законы лишь в том случае,

если их искусственно упростить» (1977, 108). Подобную же мысль позднее высказал известный историк и антрополог Б. Ф. Поршнев: «Меньше всего я приму упрек, что излагаемая теория сложна. Все то, что в книгах было написано о происхождении человека, особенно, когда дело доходит до психики, уже тем одним плохо, что недостаточно сложно. Привлекаемый обычно понятийный аппарат до крайности прост. И я приму только обратную критику: если мне покажут, что и моя попытка еще не намечает достаточно сложной исследовательской программы. О сложности я говорю тут в нескольких смыслах. Сложность изложения самое меньшее из затруднений. Сложно объективное строение предмета и сложно взаимоотношение совокупности используемых в исследовании нужных наук. У каждой из них свой гигантский аппарат, свой „язык“ в узком и широком смысле. Я не выступаю здесь против специализации. Напротив, полнота знаний достигается бесконечным сокращением поля. Можно всю жизнь плодотворно трудиться над деталью. Но действует и обратный закон: необходим общий проект, общий чертеж, пусть затем в детальной разработке все в той или иной мере изменится» (1974).

Подобная исследовательская стратегия была принята и в этой книге: по моему убеждению, принципы взаимодействия разных факторов речевого поведения как фактическая реальность существования языка не в меньшей степени важны для языкознания, чем содержание и устройство отдельных языковых подсистем.

Предмет динамической лингвистики (а также динамических моделей в лингвистике) неоднократно обсуждался в литературе — ср. монографию Е. В. Падучевой (2004) или более ранние исследования пермской школы, в частности, Л. Н. Мурзина (подробнее об этом см. раздел: «Сложное предложение в свете динамического синтаксиса»). Динамический подход к языку означает, что внимание исследователей, преимущественно, направляется на 1) отношения/взаимодействия между языковыми единицами и категориями в системе языка и в речи; 2) отношения производности языковых единиц, включая языковую и речевую (окказиональную), формальную и семантическую производность; 3) взаимодействие языка и среды, т.е. социальную, коммуникативную, психологическую и ан-

тропологическую обусловленность форм и содержания речевой деятельности.

Динамическая лингвистика представлена несколькими направлениями исследований языковой системы и речевого поведения (дискурсов). К ним, в частности, относятся: 1) генеративная лингвистика, в том числе и генеративная семантика; 2) дериватология, например, основанная Л. Н. Мурзиным пермская лингвистическая школа; 3) синтагматическая/контекстная семантика (М. М. Копыленко, Д. Н. Шмелев, Б. А. Плотников, И. М. Богуславский и др.); 4) функциональная семантика, включающая несколько относительно самостоятельных научных направлений, таких, как теория коннотации, теория лексического фона, теория инференции, теория лексических концептов; 5) синтаксис высказывания – описание синтаксических процессов речевой деятельности (Н. Ю. Шведова, Ю. В. Ванников, Б. Ю. Норман и др.); 6) интегративная лингвистика (школа «смысл – текст»); 7) функциональная грамматика (С. Куно, С. Дик, А. В. Бондарко, А. Мустайоки и др.), в том числе экспликативный синтаксис; 8) коммуникативное направление, в частности, прагмалингвистика, лингвистика дискурса, социолингвистика, эколлингвистика (включая и более частные направления, такие, как юрислингвистика, медиалингвистика, гендерная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистическая прогностика и др.).

Динамически ориентированный характер имеет и современная философия языка (в другой терминологии, семиотическая лингвистика), которая сегодня ищет ответы на вопрос о генезисе и источниках изменчивости лингвистического знания.

Предлагаемая читателям книга составлена из ранее опубликованных и в той или иной степени переработанных и дополненных статей. Они были собраны в монографии «Ветка вишни. Статьи по лингвистике», которая в 2013 году небольшим тиражом вышла в Олыштыне. Издательство «Гуманитарный центр» любезно предложило мне второе, отчасти переработанное издание книги, чтобы широкий доступ к ней получили читатели из Восточной Европы.

Александр Киклевич
Олыштын, зима 2014

Парадигмы языкознания и современная лингвистика

У одной маленькой девочки на носу
выросли две голубые ленты. Случай
особенно редкий, ибо на одной лен-
те была написано «Марс», а на дру-
гой — «Юпитер».

Даниил Хармс

Введение

В 1962 году в повести «Иду на грозу» русский прозаик Даниил Гранин предложил шутливое определение философа и специалиста: «Специалист старается знать все больше о все меньшем, пока не будет знать все ни о чем. А философ узнает все меньше о все большем, пока не будет знать ничего обо всем». Это, казалось бы, парадоксальное сопоставление двух типов мышления и научной деятельности хорошо отражает положение в науке о языке: ни одна научная теория, будучи основополагающей для определенного научного сообщества (в определенную историческую эпоху), не рассматривает язык в единстве всех его аспектов — напротив, в качестве объекта исследования принимается один аспект: внутренний или внешний, материальный или функциональный, структурный или атомистический, синхронический или диахронический (исторический), идиосинкратический (этнокультурный) или универсальный, энкратический или акратический. Этот выбранный аспект абсолютизируется, т.е. наблюдается, как пи-

шет Ю. Н. Караулов, гипостазирование — приписывание ему особого, главенствующего статуса (1987). Караулов, как известно, выделил в истории языкознания четыре парадигмы: историческую, психологическую, системно-структурную и социальную (там же, 18 ссл.), каждая из которых по-своему моделирует язык: по образу биологии — как эволюционирующий объект, по образу химии — как сложноорганизованный объект и т.д. (подробнее о моделировании языка посредством применения концептуальных метафор см.: Pielenz 1995, 78).

Сегодня ситуацию в языкознании усложняет характерный для постмодернизма культурный релятивизм и, в частности, отсутствие научных авторитетов и «больших» научных теорий, интегрирующих научное сообщество (см. подробнее далее). О таком разнообразии лингвистического знания — со ссылкой на швейцарского философа языка П. Серио — пишут А. Л. Факторович и Д. И. Руденко: с их точки зрения «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция» (1993, 7; разрядка моя — А. К.). Упомянутые авторы пишут также о существовании разных национальных и геокультурных традиций философии языка: славянской, англосаксонской и романской.

Совершенно очевидно, что в такой ситуации все актуальнее становится требование синергического подхода к языку, который призван в рамках единой системы категоризации рассматривать или хотя бы учитывать разные его аспекты. Собственно, это задание призвана выполнять философия языка или — в другой терминологии — семиотическая лингвистика, основы которой в России были заложены Ю. С. Степановым (1985; см. подробнее об этом: Руденко 1993, 103).

1. Парадигмы языкознания

Современная философия языка занимается довольно широким кругом проблем, связанных, главным образом, с функционированием языка в окружающей среде (см.: Carr 2006, 331 ссл.): проблемами языковой семантики, психологии, социологии, онтологии и антропологии языка, а также отношениями